

Воспоминания

Пятисотникова Дмитрия Александровича

Я вступил в Российский Коммунистический Союз Молодежи или РКСМ, как он тогда назывался, 4 декабря 1923 года. Это было большое событие. Крестьянину – середняку, не окончившему специального заведения и поступившему учителем в начальной школе, было решающим, и как я поступил в комсомол – не знаю. И сейчас. Вероятно, на меня имело влияние моей семьи, где отец был всегда демократически настроен. В Ленинграде жили зять с сестрой, которые тоже были демократически настроены и посылали мне газеты со статьями В.И. Ленина. Я читал эти статьи, воспринимал их, и в конце концов вступил в комсомол. Порвал со своим окружением, состоявшим из А. Морозова (живет в Ленинграде), П. Морозова (живет под Ленинградом), Пузунь Н.К. (если не ошибаюсь, и фамилии его не знаю и судьбы тоже) и т.д.

В нашей комсомольской ячейке, а она так называлась, бывшей Дворицкой волости, Новоржевского уезда Псковской губернии. Было человек 5-6. Она находилась в селении Картачах, где был Дворицкий вол. совет рабочих и крестьянских депутатов. Там же находилась ячейка РКП (б), парторганизация КПСС, почтовое отделение, чайная и жила еще помещица.

Инициатором в создании комсомольской организации в Дворицкой волости были Мария Тимофеева (Кисленкова), родившаяся в деревне Дорохово и Боровикова из деревни Чунеево, жившие и учившиеся в городе Новоржеве. Вступившие в комсомол подавали заявление, в котором они обещали выполнить программу и устав комсомола, служить не за страх, а за совесть, рабочим и крестьянам, не считаясь с личными интересами. Они не должны были принимать участие в танцах. Это осуждалось уставом комсомола. Состоя в комсомоле можно было петь песни, играть в игры, ставить спектакли, проводить собрания в коммунистическом духе и т.д. При моем вступлении в комсомол уже были председатель Дворицкеого сельсовета тов. Спиридонов Александр лет 20-22 из граждан деревни Григоркино, Егоров Александр лет 19-20 тоже из деревни Григоркино, сын сторожа Дворицкого волостного совета рабочих и крестьянских депутатов – Яковлев Василий и еще 1-2 комсомольца, которых фамилий не помню и я – начинающий учитель Полянkinской школы (а теперь Осьевской школы). Комсомольцы были очень бедными. Вот например Спиридонов Александр, председатель сельсовета, ходил только в лаптях и шубе. На язык он был разговорчив и слов у него хватало из набранных и запомнившихся на первый случай. Сын сторожа Яковлев Василий был не развит, да и некогда ему было развиваться. Ему было 16 лет, и в школу он не ходил.

Потом организация стала расти и через 3-4 года она насчитывала 40-50 человек. Ходить на собрания было далеко, да все это делалось в нерабочее время – вечером или ночью. Немного было лучше у меня. Из деревни Ляпуново, недалеко от Ося, был секретарь ячейки РКП(б) тов. Бушкин С.А., который заходил за мной и мы шли вдвоем (умер, кажется в 1950 году).

К нам, в комсомольскую организацию, сразу стали поступать заявления от детей, чтобы мы организовали пионерскую организацию. Пришлось этот вопрос поставить в комсомольской организации и вынести решение организовать таковую. Это дело поручили мне, как ответственному за пионерскую организацию. Ребята собрались в назначенный день (воскресенье). Это были ребята из бедноты из разных деревень. Их собралось человек 20, а потом они стали прибывать. Я сразу же им рассказал о пионерской организации как умел. Надо было наладить работу с пионерами и оформить их по всем правилам: чтобы они были в галстуках, имели знамя, горы и барабан, все атрибуты, положенные для пионеров. Этих средств мы не имели, и надо было организовать их сбор среди членов партии, профсоюзов, комсомольцев и вообще граждан волости. Это было дело нелегкое и требующее много времени, но, несмотря на это, мы все-таки его разрешили. Нам пришлось поставить один платный спектакль в пользу пионеров. Пионерам были выданы галстуки, они имели знамя, горн и барабан. Помимо этого они занимались коммунистическим воспитанием, походами, приветствиями и т.п.

Нами была выделена одна комсомолка для работы и руководства пионерами. Она подала заявление в комсомол. Это была Евдокия Петрова (Душа) из деревни Воробьи (живет в Ленинграде). Она была начинающей учительницей.

Вообще к нам в РКСМ стали поступать заявления от молодежи о приеме их в комсомол. Мы их принимали почти на каждом собрании. Это был момент, когда население волости жило новой полнокровной жизнью. Комсомол тоже жил особенной жизнью, жил с пользой для рабочих и крестьян. Об интеллигенции тогда еще не было разговора, она была в основном прислужницей буржуазии. Только отдельные лица из интеллигенции уже соприкасались с интересами рабочих и крестьян, но получали за это от остальных презрение и насмешки.

Мы, комсомольцы, ставили вопрос о привлечении молодежи на комсомольские вечера, в более свободное помещение, отвлекая от деревенских гулянок вечером по деревенским избам... Молодежь освобождалась от верхней одежды, без сиденья в 2-3 ряда на коленях у друг друга, с пьяными бузетерами – хулиганами на гулянке. Петь индивидуально

или хором песни, играть в разные игры, сидеть и говорить, плясать – это было можно, но плясать парочками – это воспрещалось, и это было в жизни комсомола нехорошо. Гармонь играла, а танцевать было нельзя. Это вызывало недовольство. Правда, это запрещение было приблизительно с год, а потом его отменили. Но все-таки спектакли привлекали молодежь, а некоторые вступали в комсомол.

Мы уже ставили спектакли довольно часто в разных местах района: в Дворцах, Апросьеве, Картачах, Наркове и даже в Бежаницах и к нам собиралась публика из разных мест и разная по имущественному положению. Ставили Островского «Не в свои сани не садись», «Свои люди сочтемся» и др., Гоголя «Женитьба», Чехова «Предложение», и маленькие пьесы, такие как «Черно-буря красавица» и другие. В дивертисменте нам пели молодые девушки романсы. Помимо комсомольцев мы привлекали учителей Дворицкой школы. Это было общественно-полезная работа, проводимая в духе современности. Пели мы такие песни: «Интернационал», «Кузнецы», «Ванек», «Марш Буденного» и др.

Однажды мы поехали в Кондратовскую школу, ща Апросьево для постановки спектакля для публики. С нами поехали уполномоченный по продразверстке от укома РКП(б) тов. Васильев и Кочнев Д.Е. (оба коммунисты, первый жив ли – не знаю, а второй - умер). Народу собралось много, вся школа была заполнена. Это был еще какой-то религиозный праздник. Были среди людей и выпившие самогону. Водки тогда не было. Мы стали гримироваться, а перед спектаклем надо было произнести речь о международном положении, которую взялся сделать тов. Кочнев. Только он начал, сказав слова: «Товарищи! По поручению Волкома партии я хочу рассказать вам о международных событиях...» и сейчас из публики встает один человек с папиросой в зубах и говорит: « не надо твои волкомы и пошел ты к чертовой матери, ставьте спектакль..», тов. Кочнев спросил: «Кто это сказал?» и пытался пройти со сцены к человеку. Несколько человек из публики, вынув револьверы, быстро направились на сцену, крича во все горло. Они обступили Васильева и Кочнева, требуя показать свои документы. Тов. Васильев и Кочнев в свою очередь требовали документы от лиц, пришедших на сцену и заполнивших ее. Люди хотели арестовать Васильева и Кочнева. Загримировавшиеся, мы сидели в комнате, и я не знаю каким путем Васильев и Кочнев бледные прибежали к нам в комнату. Мы сразу начали ставить спектакль, не прослушав доклада и этим отвлечь публику от скандала. В то же время мы бегали и наблюдали за публикой, которая заполнила прихожую, кухню, засматривала в учительскую прихожую. Видно было, что из числа публики есть люди, которые следят за

Васильевым и Кочневым. Тов. Васильев и Кочнев сговорились переодеться в женскую одежду, выпрыгнуть с чердака на землю, сесть на подогнанную лошадь и уехать. Это было темной, снежной, зимней ночью. Так они и сделали. А нас, «артистов» народ не стеснялся и, видно, не думал сделать нам ничего худого. Нас же было человек 10-12, из них женщин человека 2-3. В это время мы начали постановку пьесы, гнали ее как можно быстрее. Поставив пьесу, мы быстро оделись и скорее пошли к лошадям, быстро поехали и только с облегчением вздохнули, отъехав километров 7-8.

Потом в нашей волости в районе Кондратовской школы из района Кудеверь привлекалось несколько человек к ответственности и один два человека были расстреляны за это.

Наша комсомольская ячейка заседала каждое воскресенье. Повестку дня я сейчас не помню, но вопросов было много. И нас уже стало человек 15-20. Придя в воскресенье в Картачи, мы начали заседать. Кто что делал, я не помню. Вдруг в окно мы увидели, что к нам идет какой-то барин. Одет был в черное приглаженное пальто, в шляпе, на носу золотое пенсне, выхоленный, ожиревший человек лет 50-65 от роду. Мы притихли, и думаем, что будет? Он вошел к нам не торопясь, медленно снял пальто и шляпу на гвоздь, поправил пенсне и высморкался в платок. Мы сидели и молчали. Потом он подошел к нам и сказал: «Здравствуйте!», мы поздоровались в ответ и молчим. Он начал говорить: «Я пгисел к вам по следующему делу. Я помещик Ковалевский Владислав Викентьевич, живу с женою и детьми в селе Измалково, где пговожу лето, а зимою я нахожусь в Петрограде. Теперь меня выселяют из Измалково как помещика. С вашими отцами я жил хогошо. Они, я думаю, газделяют мой взгляд и могут подведгить это. У меня с ними не было скандалов. Вы, как дети этих отцов, можете это засвидетельствовать и я нашел нужным обратиться к вам, чтобы вы дали мне свою рекоменгдацию и т.д.»

Говорил он долго, мы сидели и слушали. Наконец, тов. Спиридонов задал вопрос: «Где ваши сыновья и чем они занимаются?». Он ответил: «Один сын служит в Кгасной Армии летчиком, другой является командиром кгейсера на Черном море, а третий не знаю где он. Погиб, видно, в ггажданской войне»

Тов. Спиридонов дальше сказал: «А может быть он белый генерал какой-нибудь, и выступает против таких, как мы?». «Не знаю» - ответил Ковалевский. Тов. Спиридонов сказал: «Мы не можем дать вам рекомендации. Обратитесь к отцам, с которыми вы жили хорошо. Они и дадут вам такую рекомендацию. Мы же этого сделать не можем. Так, товарищи?».

Мы все согласились. Тогда он медленно пошел к пальто, взял шляпу, оделся, застегнулся и, сказав нам: «До свидания» пошел к выходу (он умер в Ленинграде).

Когда он ушел, у нас сразу же появилось желание говорить. Тов. Спиридонов сказал. Что не дали ему рекомендации потому, что не хотели попасть еще раз в кабалу. Он был главным организатором по доставке хлеба в Петроград из южных губерний во время гражданской войны, за что Ленин дал ему грамоту.

Я сказал, что он был помещиком, помещиком и остался. Я вспомнил один случай, когда он согнал нас из своего леса через дорогу, где мы жгли огонь и пасли лошадей на своей земле. «Кто содгал бегесту с дегева, мальчики?», «Мы не знаем».- ответили мы, хотя сорвали бересту мы, чтобы развести огонь. «Зачем жжете огонь в чужом лесу. Погасите и уходите вон» Мы ушли. Или в другой раз он, не считаясь с границей владений, нарезал сажень березовых дров на чужой земле. Это как раз пало на отцовскую полянку. Отец возмущился и пошел к помещику в имение. Едва он вошел на кухню, отбиваясь от собак, которые лаяли и хотели искусать отца, он изложил слуге о цели своего прихода. За дверью был шум и визг, говорили и хохотали несколько голосов парней и девушек – видно играли. Слуга ушел к помещику, отец стоял на кухне целый час, потом еще два часа, не дождался и, придя домой, не согласился идти опять к помещику. Дрова же забрал Ковалевский.

1924 год. Избранным секретарем комсомольской ячейки оказался я. Был я самый грамотный человек (окончил 7 классов и учился заочно, немножко развит) Наша ячейка насчитывала около 20 человек. Особенно мало было у нас девушек, человека 3-4. Многим матери не разрешали вступать в комсомол, особенно верующие в Бога, приверженным к церкви. Так, Михайлова Анна из Двориц, не пускалась матерью в дом из-за того, что она пошла в комсомол (жила она в Успенском сельсовете Бежаницкого р-на) Над нами существовало руководство – Уком РКСМ. Оттуда мы получали указания по работе, туда и отдавали отчеты.

Был январь 1924 года. Я занимался в Осьевской школе. Вдруг во время занятий приезжает ко мне инструктор РКСМ тов. Шнитов П.Д. с известием, что умер В.И.Ленин. Это всех нас ошеломило. Я предложил встать ребятам по случаю такого большого траура, и рассказал им об этом, а так же биографию Ленина. Тов. Шнитов пригласил всех учеников и меня в Картачи на похороны В.И.Ленина в 6 часов 50 минут вечера, т.е. когда его будут опускать в гробу в могилу. Был страшный мороз, достигавший 25-30 градусов. Ребят было в школе человек 50-60 в 4-х классах. Мы оделись

теплее, взяли наскоро изготовленные плакаты и лозунги и двинулись в Картачи за 7 верст. Пришли туда и дорогой страшно перемерзли. Народу было страшно много и все говорили речи на день похорон. Радио тогда еще не было, и нам только по телефону сообщили, что гроб с В. И. Лениным опускают в могилу. Народ стоял примолкшим и внимательным. Многие плакали. Было жаль Владимира Ильича. Потом выступил тов. Петров из деревни Гусево, приехавший из Москвы в отпуск. Говорил он несвязно, но с «огоньком», допуская научные слова, что делало его речь мало понятной. Народ внимательно слушал. Шубы, армяки, шапки-ушанки, платки, в варежках и рукавицах палки, которыми опирались на снег – все это перемешалось в кучу. Мороз крепчал. Когда тов. Петров сказал «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!2 – женщины говорили друг другу «Объединяйтесь, объединяйтесь! Вам говорят!»).

Потом нас пригласили пройти строем с пением «Интернационала», но мы не знали этой песни. Ее пели только те, кто знал слова и мотив песни. Наши ребята шли с замерзшими носами и едва передвигались от холода, а еще нужно было идти домой за 7 километров. Как мы дошли до школы – было удивительно!

Потом на второй день было траурное комсомольское собрание, на котором прослушали доклад: «В.И. Ленин и пролетарская революция в России», выделили нескольких комсомольцев на уездный съезд и затем разошлись. Я не попал на съезд, так как занимался один в школе. Со съезда через два дня вернулись наши комсомольцы и привезли много новостей: Ленинский призыв, новое название Комсомола и новое районирование. Комсомол стал называться Российским Ленинским Коммунистическим Союзом Молодежи, или РЛКСМ. Ленинский призыв означал патриотический долг граждан Советского Союза, которые вместо потерянного В. И. Ленина должны вступать в партию и Комсомол. Это нашло отражение практически, так как ряды партии и комсомола значительно выросли.

Весной 1924 года произошло районирование. Бывшие волости были уничтожены и вместо волостей стали называться сельсоветами. Дворицкая волость разделилась на Дворицкий, Апросьевский, Мининский и, наконец, Нарковский сельсовет. Такие волости, как Аполинская, Бежаницкая, Суцевская, Туровская и др. были уничтожены, и вместо них стала называться Бежаницкая волость и потом уже район Псковского округа.

Здесь сменилось наше руководство: по партийной линии Бежаницкий волостной комитет партии или Волком партии, во главе которого стоял первый секретарь тов. Королев и дальше – Бежаницкий волостной комитет РЛКСМ, во главе которого оказался Летенков Георгий. Это был молодой

человек, малограмотный, но трудоспособный. Каждый день он вставал рано, еще все спали, а он выходил на крыльцо и пел: «Эх, герань моя герань, герань зеленая моя...» Наша комсомольская организация была уже порядочная, насчитывающая человек 25. Перед собранием раздавались песни, шутки, смех. Собрания проходили живо, по-деловому, и в конце собрания пели песни и кончали собрание «Интернационалом». Нашей организации пришлось разделиться по сельсоветам, сначала на Дворицкую Апросьевскую, а потом на Минискую и наконец, Нарковскую.

Одновременно с этим надо сказать о кооперации. В Дворцах был кооператив до революции. В этом кооперативе торговали не в убыток, регулярно проводили собрания, на которых проходили дебаты, споры. Я тоже выступал на собраниях, хотя был молодой. Председателем правления был из дер. Опенкино Дворицкого сельсовета Васильев Лука Васильевич. Это был человек лет 35-40, здоровый брюнет, не носивший бороды, кроме небольших усиков. Был он очень вальяжный, делал все медленно, был человек неглупый. Будучи беспартийным. Он все время придерживался линии собственников, кулаков. Я ему, почему то все время делал «накачку» по работе в кооперации.(он жил в Ленинграде).

Еще за 1-2 года до этого, Дворицкий мельник Александр Дартау продал свою мельницу что-то как будто за 40 тысяч рублей. Деньги большие, но Дартау продал ее из-за боязни перед Советской властью. Ведь может же она отобрать мельницу на самом деле. Мельницу купил местный деревенский кулак Влас Федотович Орлов, лет 45 от роду, носивший маленькую эспаньолку и маленькие усики и говоривший: «Та, - мы,- ка, Та, - мы, - ка, Александр Федоровича»

Мельница была богатая, хорошо оборудованная. Она имела два мукомольных постава, круподерку, пеклевку перловку, шерстечесалку, сукновалку, лесопилку, электрический свет и великолепный скотный двор. Помимо этого при мельнице имелся сад около гектара, четыре коровы, сотня свиней, большой дом, деревянный мост на тавровых балках, каменная плотина и полукаменная мельница. (во время войны она сгорела). В общем можно было жить. А тем более Власу Орлову, имевшему только одну жену Евдокию Ивановну и не имевших детей. Он и жил хорошо. Правда, человек он был неграмотный, хитрый, ласковый, и серый. К себе в помощники он взял Кочнева Михаила, односельчанина из деревни Дворцы, который и молот (жив и работает на мельнице в Дворцах). Орлов пустил всю мельницу, развел штук сто свиней, четыре коровы, и жил, подсчитывал барыши за день. Так бы и жил он долго, долго, если бы не помешал соседям деревни - гражданам деревни Никитинское, к которым принадлежала мельница.

Деньги, я думаю, не дали ему покою. Жил он кулаком, хотел жить капиталистом.

Однажды, Орлов В. подговорил трех граждан дер. Никитское: Василия Скурдинского, Михаила /Максимова и Никандра Максимова выделиться на отруба, и, одновременно, выделить себя так же на отруб с пятью или семью гектарами земли, хотя никакой земли там не имел. Для этого он подговорил к себе старшего землеустроителя И. М. Шматова, человека пожилого, лет 50-ти, тоже кулака. Оформили просители заявление, договорились о плате землеустроителю за работу – по 60 пудов ржи с хозяина и начали отрезать землю на отруба. Крестьяне деревни Никитинское встали, как говорят, «на дыбы», запротестовали, вышли в поле и не дали ставить столбы. Они просили выделить их всех на отрубные участки, но Шматов не соглашался. Это был уклон в сельском хозяйстве – выделение на отрубные участки, как стало известно впоследствии..

Я тогда работал в Полянkinской школе и домой пришел на воскресенье. Мне рассказал отец о проделках Орлова и очень возмутился. Я написал заявление и подал его в исполком сельсовета. Одновременно с этим пришел к моему другу Петру Ильичу Васильеву, который был старше меня на два года, и рассказал ему все. Тов. Васильев родился и жил в Ленинграде, окончил три курса юридического факультета, был офицером царской армии и теперь приехал в деревню Дворцы на родину отца со своей семьей. Он был холостой. (Сейчас он уже умер, жил в Ленинграде). Васильев сразу пристал к этому делу, и посоветовал подождать ответа на мое заявление в исполком с/совета. На этом мы и расстались до следующего воскресенья.

За неделю земельная комиссия исполкома с/совета во главе с председателем комиссии пришла в деревню, для выяснения дела на месте. Походили, посмотрели, послушали и, по приглашению Орлова пошли писать акт и одновременно «пить чай» на мельницу к Орлову. Что там было – мне неизвестно, но только акт был написан в таком духе, что дело передавалось в Волисполком, в земельную комиссию на повторное рассмотрение. Как - никак, а самогон и свинина дали о себе знать. На собрании были: землеустроитель И. М. Шматов (проживал в деревне Кучино, Дворицкого сельсовета), мельник Орлов В., а так же комиссия, в составе трех человек и все граждане деревни Никитинское (11 хозяйств, из них три выделяющихся и восемь хозяйств, остающихся в общем пользовании). Конечно, «чай пили» и акт писали только комиссия, Шматов И. (настоящая его фамилия была Васильев) и как хозяин дома – Орлов.

Я, со своей стороны, созвал комсомольскую организацию на собрание и поставил вопрос о земельных делах в деревне Никитинское.

Комсомольское собрание вынесло решение: осудить действия землеустроителя И. Шматова, и тем более Власа Орлова, в проведении мероприятий по землеустройству в деревне Никитинское и просить комиссию по землеустройству при волостном исполкоме отменить решение И.Шматова и В.Орлова. Отрубные участки на деле уже получили в свое пользование новые хозяева.

Ну и мироед Влас Орлов! Сколько было смеху, сколько издевательств было в тот период. Главными виновниками в этом деле были я и Васильев П.И.. Мы собирали деревню (домохозяев) говорили о положении дел и отказе, просили денег на дорогу на новое заседание комиссии, так как у нас денег не было. Граждане деревни Никитинское слушали нас, подтверждали свое решение, собирали деньги (гроши) но наконец, перестали собираться. Мы с Петром Ильичом решили, что наше дело не проиграно и поведем его до какого -нибудь результата. Были мы на волостной земельной комиссии, потом подали заявление в уездную зем. комиссию, потом в окружную. Да по несколько раз, и всюду мы шли пешком, а мимо нас ехал Влас Орлов и землеустроитель И.Шматов. Они везли с собою свинину целыми борами, везли самогон полными жбанами и мы ничего не могли сказать: «Куда везете? Что везете?».

Результат был один: утвердить проект И.Шматова и В.Орлова! Почему? Очень просто. У Шматова были в земельных комиссиях старые сослуживцы, беспартийные и такие же кулаки. Только и всего! Но 1924 год закончился, пришел 1925 год и дело пошло по-другому. Мы написали заявление в Москву в Совнарком об отобрании мельницы в пользу государства, изложив в нем эксплуататорскую роль мельницы. Недолго тянулось дело и пришло в уездный город Новоржев об отобрании мельницы от его владельца в пользу государства и размежевании земли на отрубные участки. Землеустроитель И. Шматов скрылся из сельсовета, говорят, переехал в Локнянский район, а Влас Орлов повесил голову.

Простой народ ликовал. Зажиточные и подкулачники потихоньку роптали про себя: «Где ж правда?» Мы с председателем СПО тов. Васильевым (я был председателем ревкомиссии СПО) поехали на торги на мельницу. С нами был один конкурент – Влас Орлов. Мы взяли мельницу в аренду на год, за плату (не низкую, но не помню какую) Власа Орлова выселили из мельницы, приняли ее и пустили в ход. Отрубные участки полетели в сторону, хотя за них владельцы заплатили в 2-3 раза дороже, чем они стоили вначале. На нашей стороне была полная победа! (В. Скурдинский, М. и Н. Максимовы и И. Шматов – умерли)

Теперь надо было провести общее собрание СПО с отчетным докладом о работе последнего и произвести выборы СПО. Но прежде всего необходимо сказать следующее.

Закончил я заниматься в Полянkinской школе. Только пришел домой, входит ко мне Петр Петрович Полянский – бывший крестьянин, а теперь помещик первой руки. Вошел и поздоровался со мною. Это был человек крупного роста, блондин, не носивший бороды, а одни усы, с крупными чертами лица и говоривший по-деревенски, как неграмотный, хотя он был немножко грамотен. Полянский снял шляпу и сел, не снимая пальто. Он начал говорить: «Я пришел к вам по большому делу. Меня считают помещиком и хотят выселять. Мне это кажется обидным, и я не считаю себя помещиком. У меня были 200 десятин земли, ну, там еще лошади, коровы, свиньи и т.п. и только. Нас жило два брата, чужого труда не эксплуатировали, ну держали одного-двух работников, а так все больше поденщики и вот теперь выселяют! С родителями мы жили хорошо, тем более с вашим отцом. Я даже давал ему клевера на семена. И вот теперь нас выселяют. Будьте добры, вы секретарь комсомольской организации, дайте мне справку, что я не такой, как они думают, я готов бороться за Советскую власть и т.д.».

Я внимательно его прослушал и говорю: «Что вы бывший крестьянин и по - настоящему помещик – это так. Людей эксплуатировали на вашем труде и грабили простой народ – это тоже верно. Хотят выселить вас, чтобы вы здесь не отвечивали – тоже хорошо. Идите с богом домой, и сидите дома». И он ушел. Правда, его отец получил Полянку незаконно. Петр Полянский (отчество не знаю) – его отец был каким-то прислужником пастуховского помещика, больного, не могущего встать с постели. Полянский же очень тщательно ухаживал за помещиком и на слова был неизмеримо ласков. Помещик лежал при смерти и как-то позвал Полянского к себе, дал ему денег и сказал, чтобы он поехал в Новоржев к нотариусу Воронову и произвел бы продажу земли в 200 десятин какой-то мещанке, за то, что барин ею когда был спасен (это мы знаем, как он был спасен). Полянскому он дал доверенность на пустошь Полянку. Полянский приехал в Новоржев, сделал купчую крепость на себя, уплатил деньги и вернулся домой. На вопрос помещика о том, что сделал – ли он все как ему было сказано и полностью – он ответил, что сделал, продал 200 десятин земли на себя – Полянского Петра, т.е. сделал, как говорил помещик. «Что ты сделал! Сукин сын! Хам! Чтобы не было тебя в моем доме!» ответил помещик. «Я тогда и уйду». И ушел Полянский в Полянку и поселился в селе. Потом он умер, и остались у него два сына Петр и Иван. Иван перебежал к белым в Гражданскую войну, а

Петр стал хозяйствовать в Полянке. Потом это село отобрали в пользу государства, и лет 14-15 не было слышно о Петре Полянском. Во время Великой Отечественной войны Полянка была оккупирована фашистами, и тогда в Полянку явился Полянский Петр и заявил о своем имении. Потом ночью пришли партизаны, забрали его, жену и дочку и повели в лес к болоту и там расстреляли. Вернее был расстрелян Петр и дочка, а жена была ранена и уползла с места расстрела. Она жива и сейчас (на ст. Сущево Калининской ж. д.)

Теперь опять о кооперации. Перед выборами нового СПО меня вызвали в Волком партии к тов. Королеву. Он мне сказал: «Ты работаешь в Полянkinской школе, и мы тебя хорошо знаем. Ты еще комсомолец, тебе нужно вступить в партию. Мы сейчас думаем о том, что тебе лучше принять Дворицкое СПО, сдать школу и начать работать в кооперации. Тебе 25 лет и ты сможешь с этим делом справиться. Мнение это не мое, а всего бюро волкома партии. Как ты на это дело смотришь?». Я ответил: «Я не хочу расстаться со школой, на раз партия настаивает на этом – я пойду на эту работу».

Я ушел из волкома партии недоуменный словами Королева, и готовый уже сдать школу и принять СПО. Приехал ко мне инспектор УОНО тов. Васильев Михаил Васильевич, и сказал мне, что я буду неплохой учитель, что мне нужно жениться на учительнице, и я буду работать учителем всю жизнь, а в кооперацию мне идти не надо.» Но я пошел в кооперацию. После заседания бюро Волкома партии, было наше совместное заседание бюро РКП (б) и комсомольской организации сельсовета, на котором вынесли решение выдвинуть меня кандидатом в председатели СПО. Для успешности дела всех коммунистов и комсомольцев расставили по деревням для агитации и голосования за кандидата от партии и комсомола. Это было вызвано тем, что до настоящего времени руководство СПО находилось еще в руках собственников. На собрании СПО я был выбран в кооперацию и два товарища ко мне: Мамонтов Александр Николаевич из дер. Дворцы (бывший торговец) и второй (фамилии и имени не помню) из деревни Кучино (сын полицейского). Васильев Л.В. оказался не у дел. Но и тут в правлении были трудности. Я настаивал на председательском месте, а также и Мамонтов А.Н. Дело кончилось в мою пользу, и я стал председателем Дворицкого СПО. Это было 15 марта 1925 года.

Влас Орлов не мог смотреть на меня. Идешь, бывало, в Дворцы через межницу, а в Дворцы я ходил, встречаешь Орлова, а он и не поздоровается. А жена его Евдокия Ивановна идет за водой с ведрами на реку и видит, что я иду навстречу – возьмет и повернет с пустыми ведрами домой. По ночам я не

ходил в Дворцы, когда запаздывал – ночевал у Васильева П.И. Было даже так, что подсланный Орловым человек караулил ночью меня и хотел убить. Потом, когда отобрали мельницу, В. Орлов с женой куда-то переехали. В. Орлов при отъезде говорил обо мне: « Не с тем я начал дело». Влас Орлов, говорят, задавился а жена его – Евдокия Ивановна живет где-то сейчас в Ленинграде, водится с попами.

Я проработал в СПО около полутора лет. Здесь я стал коммерсантом: был мельник, закупщик льна, и других товаров, продавец разных изделий, заготовитель разных товаров в Ленинграде и т.д. Мне пришлось расширить кооператив: организовать пекарню по выпечке баранков, открыть магазин в дер. Купилово, в Апросьева, в Аполье, заняться ремонтом мельницы, потребовавшей несколько тысяч рублей, а Орлов постарался сдать ее не отремонтированной

Все это дело я не любил, это дело было мне не по душе. Были, хотя и хорошие люди в кооперации., как например тов. Андрусич – зав. Бежаницким райпо, или тов. Габданк – зав. Псковским Облпотребсоюзом, которые меня всячески поощряли, даже наградили грамотой от Псковского Облпотребсоюза, но я занялся мыслью уйти из кооперации. Мне жаль было таких товарищей как Шелгунов В.П. – председатель Кудеверского СПО (сейчас работает председателем колхоза «Ленинский путь» Бежаницкого района), Игнатьев – пред. Бежаницкого СПО, Гаврилов – пред. Аполинского СПО (оба умерли) Пейве или Пейхе из Успенского СПО (живы – не знаю) и др. Было много казусов в моей работе, тем более во взаимоотношениях с людьми. Все они прошли бесследно. И вот 14 августа 1926 года я сделал заявление на общем собрании пайщиков об уходе с работы. Заявление было принято, и я освободился от работы и сдал СПО. При сдаче СПО были выявлены ревизионной комиссией 1050 рублей дохода. Это были немаленькие деньги по тем временам. Но я был свободен от работы в СПО и мог ходатайствовать на работу в школу.

1923 год всколыхнул меня как следует. 1 декабря года умер мой отец. Я пришел из школы на воскресенье. Он лежал, сказал мне, что ходил в город Новоржев за 35 километров. Потом мы пошли в баню, а потом пили чай. Потом я стал собираться в Дворцы, он просил меня не ходить, но я все-таки пошел. Он залез на печку и там скоропостижно скончался. За мной приехали на лошади, но было уже поздно.

Второй случай, уже, когда я женился. Это было 17 сентября 1924 года. Поженился я скоропостижно, на Дворицкой девушке, записывался в Новоржеве, за 35 километров, а то в Бежаницах будут смеяться надо мной. Свадьбы никакой не было. После этого я поехал в Новоржев к уездному

начальству по народному образованию с просьбой назначить меня в школу. Нам предложили две школы: жене – Апросьево, мне – Нарково. Делать было нечего, и я согласился. Мне пришлось жить на три семьи: мать в Никитинском, жена в Апросьевской школе, и я в Кондратовской школе (7 верст от Апросьева). Приехал в Нарково (школа называлась Кондратовской, т.к. находилась между деревнями Нарково и Кондратово) увидел, какое это глухое место (30 км от Бежаниц). Школа требовала безотлагательного ремонта, иначе нельзя будет в ней заниматься. Средства на ремонт школы не отпущено. А надо было сделать многое: переменить рамы, полы, починить фундамент, двери и т.д. Я несколько раз, на протяжении месяца ходил в Бежаницы по вопросу о деньгах и материалах, хотя бесполезно, но все-равно ходил. За месяц выхлопотал деньги и материалы, которые стали подвозить к школе. Ремонт шел и только к концу сентября был закончен. 21 сентября 1926 года собрались дети в школу. Пришли и родители. Проведя с ними собрание, я рассадил ребят, выдал им все принадлежности и назавтра дети должны были приходиться на занятия.

Началось мое знакомство с населением. Ко мне стали являться граждане из разных слоев населения, другие без дела, другие по делу. Так ко мне приходил гражданин из деревни Раковка - Иван Михайлович Степанов, бедняк, сын которого учился у меня в школе. Он жаловался на своих соседей, собственников в их зажиме. Пришлось написать ему заявление. Он принес мне кусок свинины в подарок, но я отказался, заявив при этом: «Ты бедный, тебе самому нужно». Потом приходил гражданин из деревни Кондратово Тимофей Волков и Василий Котов, поднимали разные вопросы и иногда приносили мне рыбу. Я ее брал, но за нее платил деньги. Приходил ко мне Алексей Ильин из деревни Климово нарочно побеседовать, приходил из деревни Нарково Василий Самуйленков, Александр Маланенков и др. Одним словом с населением у меня начались дружеские отношения. По школе тоже было благополучно.

Однажды, я заболел двухсторонней ангиной. Абсолютно ничего не мог глотать, не мог лежать, а только сидел, рта открыть не мог. Так пролежал я три дня. Вдруг за мной приезжают два гражданина их деревни Норково Самуйленков Василий и Евсеев Иван на хорошей лошади, запряженной в маленькие саночки, и говорят мне, чтобы я поехал с ними в баню. Они обещают меня провести до лошади, посадить в санки, тепло укутать, в бане попарят и помогут меня и потом привезут домой, угостят водкой (была настоящая самогонка) и уложат спать. Это было чудо! Я согласился. Привезли меня в баню, разделались сами, попарили и помыли меня, угостили водкой и уложили спать. Это было большое дело. Всегда я им говорил и

говорю: «Спасибо вам, дорогие товарищи, за доброе дело!» С тех пор я поправился.

Или другой случай. Мне нужно было привезти 40 кубометров дров на отопительный сезон из леса за 25-30 км для школы. Это была нелегкая задача, так как она должна была выполняться силами родителей бесплатно. Провел я родительское собрание и сговорился с родителями о поездке за дровами. На другой день мне подали 50 лошадей и пятьдесят первую, запряженную в легкие саночки, чтобы я ехал впереди обоза за дровами. Так мы и сделали, и дрова были привезены в школу. Да, хороший народ был в Нарковском сельсовете, за добро умел платить добром.

Через год в Наркове стал организовываться сельсовет. Стали намечаться участки по выборам сельсовета. Потом выбрали членов сельсовета, и из них председателя – Ивана Степановича Степанова, гражданина деревни Ровни в 7 км от Наркова. Сельсовет поместили в крестьянской избе дер. Нарково. И.С.Степанов живет сейчас в Вельегонске, кажется, в Калининской области. Теперь жители Нарковского сельсовета не нуждались ходить по делам в Апросьево, а могли все решать дома. Я не прекращал быть библиотекарем, прокурором, агентом, милиционером, ходатаем по делам и т.д.. В Апросьево я ходил часто. Там я стал на учет в комсомольской организации, а в Наркове ее не было. К тому же там была моя жена. Ходил я так же и в Дворцы, к матери.

Став на учет в комсомольской организации, я окунулся в общественную работу. Надо было собирать с населения: хлеб, овощи, лен, картофель, сено, шерсть, сельхозналог, крестьянский заем и т.д. Это была тяжелая работа. Ко всему этому в Апросьево был поп, который был ярым поборником церкви, не так, как другие попы – он служил два раза в неделю. Произносил речи, службы по деревням, посещал больных, и, даже, говорили, что исцелял больных. Ходили в эту церковь верующие из всей Бежаницкой волости. Слава о нем ходила большая, никаких исцелений он не делал, а только напускал вид, что является ярым поборником церкви. Нам, комсомольской организации, (парторганизации в сельсовете не было) наше руководство сказала, чтобы мы проводили антирелигиозную работу постоянно и всюду. Мы собрали комсомольское собрание и стали думать, что сделать. Нас было в комсомоле человек 11, из них 3 человека учителей. Решили провести по деревням собрания с постановкой на них антирелигиозных докладов. По Нарковскому сельсовету дело поручили мне и еще одному товарищу. Мы провели эту работу. Особенно шумными были собрания, где присутствовало много женщин, которые славились приверженностью к церкви. На следующем собрании был поставлен доклад

всех присутствующих на собрании о ходе проведения последних. После собрания мы предложили на имя попа написать газету «Безбожник». Тогда выписывали газеты по адресу, который наклеивался на газету в редакции. Мы решили, что это надо проделать при поездке в Ленинград кого-нибудь из нас. И это надо сделать так, чтобы никто не знал. Порешили, и сделали. Собрали копеек по 20 с человека и послали в Ленинград для пересылки в редакцию. Газета пришла и дня два валялась в сельсовете. Потом секретарь сельсовета догадалась послать за попом нарочного, чтобы он пришел в сельсовет получить газету. о. Федор Петров пришел в сельсовет, и секретарь отдала ему газету. о. Федор взял ее в руки, подержал и сказал: «Я такой газеты не выписывал. Она не мне пришла.» и положил газету на стол. На следующий день почтальон снес эту газету к попу на квартиру, и потом в продолжении шести месяцев носил ее попу. Потом меня перевели в Туровскую начальную школу в деревне Турово, а тот поп вскоре умер.

В конце августа 1928 года мы переехали в Туровскую школу. Я был доволен переездом, так как переводился с женой. Ко всему этому Туровская школа была на бойком месте и была школой кустовой (руководила методической работой, кажется, пяти начальных школ) Приехали мы в Турово, расположились с узлами и ящиками, сидим и думаем, как расставить? В это время входит к нам один человек как то странно одетый: на голове растрепанная зимняя шапка с заплатами, рваная шуба, на ногах валенки обрезанные, как женские боты. Вошел он к нам и говорит: «Вы знаете, кто я?...Я король прусский!...Прусак!...Слыхали?», я ответил, что до этого не знаю, кто он такой, но теперь буду знать. «А вы, что же, учителем к нам назначены?» - спрашивает он. «Да» - отвечаю я, - «А я вот, пришел сюда и раньше приходил, а мне сразу же наливал Тихон Иванович, учитель такой был, рюмку водки. Вы знали учителя Тихона Ивановича?».

«Да, знал учителя Тихона Ивановича. Он уже не работает лет 15. Я тоже налил бы тебе рюмку водки, но у меня ее нет». – ответил я. «Когда я приходил сюда, иногда у учителя не было рюмки водки. Тогда он давал мне на руки деньгами 20 копеек»- продолжал он. «Я тебе тоже дам, но не 20 копеек, а рубль, у меня нет 20 копеек», - ответил я. «Ну я возьму и 20 копеек или один рубль»...Он взял рубль и пошел. Это был старик 90 от роду. Звали его Прусаков Петр Васильевич. Он был большой чудаком и умный человек. Жил он чудаком и ходил чудаком.

Я начал знакомиться с Туровским сельсоветом и народом. Придя в сельсовет, я познакомился с председателем и секретарем. Председателем сельсовета был тов. Журавлев из деревни Зеленино. С ним я скоро познакомился. Потом был еще секретарь сельсовета тов. Меньшиков

Василий, Никандров Иван из деревни Зенково, Баранов Иван - избач Туровской избы-читальни, Прусаков Павел и др.

Потом мы ставили спектакли, участвовали в сельхозкампаниях по сбору сельхозпродуктов, по займу, выступали со всевозможными докладами перед населением. Одним словом после занятий в школе мы вертелись как белка в колесе, не имея ни одной свободной минуты. Редко, редко мы имели свободную минутку и собирались втроем в сельсовете: т.Журавлев – председатель сельсовета, Баранов – избач избы читальни и я.

Однажды мы получили приемник с громкоговорителем из Ленинграда, новенькие только что из завода. Все мы были в восхищении, всем не объявляли и говорили только тихонько об этом. Наступил вечер, и когда разошлись люди из сельсовета, мы остались втроем и стали готовить приемник к пуску. Мы никогда не слыхивали приемника, да и никто его не слыхивал. Наступила уже ночь. Долго мы с ним провозились и часа через два-три пустили его. То-то были в восхищении от приемника! Сидим все и улыбаемся, глядя на приемник и репродуктор. Была уже ночь. Вдруг смотрим кто-то смотрит в окно, прислонив руку к лицу. Потом этот «кто-то» отошел от окна и слышим дальше идет к нам. Открывается дверь и входит «король прусский» - дед Петр Прусаков. Вошел он, постоял и видит, что мы молчим, а кто-то говорит. Он подошел к приемнику, посмотрел его со всех сторон, потом взял репродуктор и повертел его, потом посмотрел под стол, темные углы комнаты и быстро пошел к выходу. Мы ему не сказали ни слова и только улыбались. Приемник же не молчит, и вслед за разговором началась музыка. Прошло несколько минут. Вдруг на улице к окнам притиснулось несколько лиц, желающих узнать, что делается в сельсовете. Потом люди побежали и к нам в сельсовет, вошел сын деда – Прусаков Николай, который рассказал, что дед Прусаков сказал туровчанам, что «наши коммунисты беседуют с чертом». Мы здорово посмеялись этому и продолжали слушать радио.

Прошло около года в разных хлопотах. Через год мы вступили в колхоз. Колхоз назывался коммуной «Серп и Молот». Он был в деревне Пастухово Туровского сельсовета, километрах в трех – четырех от Турово. Вместе с нами вступили: председатель сельсовета, избач, фельдшер. Я внес в колхоз амбар (новый) телегу, дрожки, лошадь, корма пудов 50 и семена ячменя, овса, гороха и льносемян, всего рублей тысяч на две – три. Свою мать я взял с собою. Она была больная.

Потом чрез полгода мне предложили вступить в партию, но это было для интеллигента очень трудно. Нужно было каждому интеллигенту иметь пять поручителей с десятилетним стажем, из них два человека из рабочих.

Мне с это было сделать очень трудно, и я с этим делом долго задержался (до 1928 года).

Так я пробыл в комсомоле 5-6 лет. За это время я был честным и безупречным. Никаких указаний, ни замечаний по службе и по работе в комсомоле не имел. Во всех кампаниях, я занимал ведущую роль, и все время участвовал активно.

Учитель Д. А. Пятисотников (подпись)

Сообщаю о себе биографические данные:

Я, Дмитрий Александрович Пятисотников, родился в деревне Никитинское, Дворицкого сельсовета Бежаницкого района Псковской области 4 октября (нов. стиля) 1899 года в семье крестьянина –середняка.

Учился в 2-х комплектной школе (по дореволюционному названию) в поселке Бежаницы и окончил 6 классов, потом был на курсах учителей в продолжении 4-х месяцев и получил звание учителя начальной школы (свидетельство) и потом 3 курса (выбыл с 4-го) исторического факультета Калининского пединститута.

Работал в Бежаницком районе в качестве учителя начальной школы, потом семилетней, и потом средней школы с марта 1919 года по ноябрь 1955 года. А в промежутке между годами, был в Красной Армии с 1919 года по 1921 год (красноармеец), и с 1941 по 1946 годы участвовал в Великой Отечественной войне, демобилизовался в звании майора. Около 4-х лет был на фронте, два года за границей, дважды ранен. Потом, около года, был председателем Дворицкого СПО, потом инспектором и зав. Бежаницким РайОНО и после Великой Отечественной войны – зав. отделом пропаганды и агитации Бежаницкого РК КПСС.

В комсомол я вступил 4 декабря 1923 года, кандидатом в партию – 19 февраля 1930 года и членом партии стал с апреля 1938 года. В ноябре 1955 года заболел и болею сейчас (легкое кровоизлияние в мозг).

К сему (подпись) Д. А. Пятисотников

1958 год, 26 июля – 24 августа, п. Бежаницы Бежаницкого района Псковской области, ул. Советская, д.71

Р.С. Копии посылаются в районную газету «Бежаницкая правда» и Псковской области газеты «Псковская правда», «Молодой ленинец», журнала «На берегах Великой».

С 1955 года и до настоящего времени живу на денежное пособие с 60 лет на пенсии, введенной правительством. За Великую Отечественную войну имею награду Орден Красной Звезды, две медали.

С уважением к Вам (подпись) Д. А. Пятисотников